

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ

Допущение, что археология может пролить свет на историю, столь долгое время не подвергалось сомнению в западной науке, что теперь и назвать-то его «допущением» показалось бы святотатством. Традиционно мыслящий историк, пожалуй, укажет на него как на главное оправдание самого существования археологии и, наверное, даже найдет археологов, которые с ним согласятся. Однако стоит лишь задать несколько вопросов определенного рода, как увидишь, что известная проверка этого допущения вполне оправдана: например, какую именно историю освещает археология и где лежат точки соприкосновения между ними? При традиционном подходе к изучению греческой истории основной упор всегда делался на древние письменные источники. Исследователи разделяли концепции древних авторов и их систему приоритетов, считая важным то, что сочли важным древние: это было главным образом выяснение причин политических и военных событий, изменений в системе власти, а также биографии ведущих политических деятелей.

Археологам-античникам было непросто пролить свет на подобные вопросы, но они очень старались и в отдельных случаях достигали видимого успеха. Если же это не удавалось, они могли отступить, ограничившись более общей задачей осветить ту область жизни, которая имела касательство к древней администрации, а именно общественную жизнь в целом или механизм функционирования общества в политической, церемониальной и в особенности в религиозной сферах. Здесь археологи добились куда больших успехов, но эти успехи уже нельзя отнести к области чистой истории. Оставалось неловкое чувство, что идентифицировать и раскопать храм, описанный Геродотом, все же не означает объяснить геродотов рассказ о происшедшем в этом храме; или что обнаружить следы жертвоприношения, упомянутого Павсанием, не значит внести вклад в «историю», так как Павсания едва ли можно назвать историком.

Такие первоначальные поиски шли раньше и продолжают до наших дней; это поиски археологических памятников, которые могут представить материальные доказательства исторических событий или вещественные подтверждения историчности тех или иных личностей. Проведение подобного поиска предполагает уточненный вариант того допущения, с которого мы начали, т.е. заранее принимается, что происшедшие, которые могут быть установлены археологическими раскопками, совпадают с событиями, изображенными в древних исторических повествованиях. Существуют и другие, более тонкие варианты этого допущения; они не могут быть подвергнуты критике с этой же позиции, и я не буду рассматривать их здесь. Например, в истории классического искусства сходное, хотя и не идентичное, умозаключение позволяет отождествлять произведения искусства, упоминаемые в древних источниках, с произведениями искусства, которые находят археологи. Все эти варианты начального допущения одинаково требуют веры в то, что археологические данные могут «говорить с нами на том же языке», что и письменные источники. Это, однако, довольно смутное, метафорическое представление, и лучше будет сосредоточиться на первоначальном и более характерном варианте данного допущения.

Такое первоначальное допущение касается прежде всего одного вида истории —

повествований, которые предлагают древние источники, и одного вида археологии — раскопок поселений. Но не бывает правил без исключений. Иногда ищут соответствий не столько событиям, сколько историческим реалиям (спартанским *обам*, например, или фаланге гоплитов); случалось также, что такие археологические исследования велись в некрополях или святилищах. Но все же наилучшие результаты для этих целей дают тщательные раскопки поселений. Они открывают последовательность эпизодов в истории поселения: наиболее ярко — его основание и окончательное запустение; возможно, один или даже несколько периодов временного прекращения жизни на поселении. Эти перерывы в обитании жителей на поселении могут сопровождаться следами разрушений, пожаров. Здесь могут быть найдены храмы, возведение, перестройки и разрушение которых могут совпадать или не совпадать с основными эпизодами в истории поселения. Возможно, обнаружатся укрепления, и можно будет проследить этапы их строительства, совершенствования и гибели. Если укреплений не окажется, это само по себе станет своего рода «эпизодом», требующим объяснения. Вполне вероятны изменения как площади жилых кварталов, так и самих строительных стандартов. В тесной связи с остатками зданий окажутся небольшие предметы, привезенные в данную местность откуда-то извне; эти вещи могут открыть такую последовательность резких изменений в объемах и центрах их импорта, в их внутренней ценности и художественности исполнения, что на этом можно будет построить особый археологический рассказ. Связанные с поселением погребения также можно ввести в этот рассказ, сделав кое-какие заключения, основываясь на их количестве, форме, местоположении и богатстве. И так далее.

Археологи, проводившие раскопки, вероятно, постараются построить свои археологические повествования как можно объективнее, исходя из данных самих раскопок. Но выбор поселения для раскопок изначально будет сделан не без учета истории, и археологи скорее всего будут постоянно помнить о том, какое место избранное поселение — при условии верного отождествления — занимало в истории данного региона. Свести воедино свой археологический рассказ и все имеющиеся на этот счет исторические письменные свидетельства для них не просто соблазн, а непреходящий долг.

Картина раскопок древнего греческого поселения, которую я здесь наметил, разумеется, очень традиционна. Проницательный читатель уже заметил, что в списке «эпизодов», образующих «повествование», недостает нескольких типов данных, на которые хорошие современные археологи обращают особое внимание, таких, например, как распределение находок внутри домов и те свидетельства, которые эти находки предоставляют для заключений о назначении тех или иных помещений и шире — о социальном поведении обитателей. Среди перечисленных в списке пунктов первичным является хронологический. Обычно полагают, что нужно ответить, во-первых, на вопрос о том, в каком порядке случились «эпизоды», и, во-вторых, — когда они случились, назвав абсолютные даты, пусть даже и весьма приблизительные. Часто ответам на эти вопросы уделяют больше внимания и места, чем более важным проблемам — например, достаточно ли надежно установлена реальность данного «эпизода» и действительно ли характер данного эпизода не вызывает сомнений? Насколько важен этот последний вопрос, мы увидим, рассмотрев случай разрушения поселения пожаром. Историческое истолкование такого разрушения в огромной степени зависит от того, приищут ли пожар небрежности кого-то из обитателей, умышленному поджогу, гражданским раздором, действиям врагов или землетрясению. И это настолько важно, что лишь немногие археологи находят в себе достаточно силы воли, чтобы воздержаться от выбора какого-либо из этих объяснений, хотя имеющиеся данные часто не дают оснований для однозначного вывода. Археологи чувствуют, что это их долг — дать объяснение, что от них его ждут. И такое ожидание исходит, по крайней мере отчасти, от историков.

Что касается темы разрушения поселений пожарами, то здесь очень поучительный современный пример дает город Женева¹. 1 мая 1951 г. сгорел женеvский Гран-Театр,

¹ Ducrey P. Menaces sur le passé // *Études de Lettres*. 1977. 3. 10. 2. P. 1—18. (at p. 13).

а 4 августа 1964 г. такая же участь постигла Выборную Палату (Bâtiment Electoral), расположенную всего в 250 м от театра. Оба здания находились среди центральных общественных сооружений огромного города. Будущий археолог, если он, как и мы, будет устанавливать хронологию на основании найденных им уцелевших материальных предметов этой эпохи, едва ли сможет обнаружить столь незначительный — всего 13 лет — разрыв в датировке пожаров. Далее, если этот археолог будет знать, что вторая мировая война шла с 1939 по 1945 г., что в ней принимала участие Франция и что французская граница проходила в нескольких километрах от Женевы, ему, вероятно, трудно будет удержаться от сопоставления данных археологических раскопок с письменно засвидетельствованными историческими событиями. Нет необходимости проследивать в деталях цепочку умозаключений, которую он, возможно, будет вынужден построить: скорее всего она будет тем изощренней, чем больше у него будет исторических сведений. Достаточно лишь отметить, что все эти умозаключения будут ошибочными с самого первого шага.

Этот пример поясняет одну более общую истину, которую можно постигнуть, просто посмотрев на окружающие нас здания, в которых мы сегодня живем и работаем. В самом деле, лишь очень немногие из них были построены в прямой связи с такими событиями, которые могли бы войти в национальную историю; и, наоборот, многие здания, сохранив без или почти без изменений свой первоначальный вид, пережили самые эпохальные исторические события, которые в отдельных случаях происходили в непосредственной близости от них. Разрушение и восстановление сооружений более, чем прочие моменты, подталкивают исследователя к попыткам объяснить их исторически; но и здесь опыт нашего времени, учитывающий возможность землетрясений или локальных катастроф, подобных женевской, дает достаточно оснований для проявления осторожности.

Допущения, о которых шла речь, мешают, по-видимому, не всем археологам. В неклассической археологии мысли, очень близкие к тем, что я изложил выше, много лет назад высказал во вводной главе своей наиболее известной книги Дэвид Кларк: «Опасность преобразования результатов археологических раскопок в историческое повествование заключается в том, что такое повествование будет подкупать гладкостью изложения событий и кажущейся окончательностью, тогда как на самом деле исходные данные, на которых оно основывается, никогда не бывают исчерпывающими, всегда позволяют какие-то иные трактовки и в конечном счете покоятся на целой системе более или менее вероятных допущений. Археологические факты не являются фактами историческими, и соответственно археология — это не история»².

Неполнота, двусмысленность и запутанность действительно характеризуют большинство археологических открытий и находок, в особенности результаты стратиграфических раскопок древних поселений. Они изначально требуют от археолога истолкования, и он должен выбрать из целого ряда возможных толкований такое, которому соответствовали бы весьма неясные, отрывочные и текстуально не достоверные утверждения в некоем историческом источнике.

Во времена первых раскопок в Греции некоторые большие по площади и очень важные культурные слои были раскопаны настолько основательно, что теперь уже невозможно или почти невозможно проверить новыми работами, что же это были за слои и какие в них содержались вещи. Предложенное первоначальное истолкование приходится поэтому принимать на веру в той степени, в какой оно не может быть подтверждено данными стратиграфии. Однако все же доступными для проверки остаются другие доказательства как внутренние (т.е. выводимые из вещей, сохранившихся в слоях), так и внешние (т.е. базирующиеся на историческом контексте). Важнейший пример подобного большого культурного напластования — слой со следа-

²Clarke D.L. // Analytical Archaeology. L., 1968. P. 12.

ми персидского разрушения на Акрополе в Афинах. Недавно, спустя более чем столетие после первоначальных раскопок и интерпретации персидского слоя правильность его отождествления, датировки и происхождения была поставлена под серьезное сомнение³. Я выбрал этот пример не потому, что предложенная переинтерпретация слоя была особенно убедительна, а из-за принципиальной важности самого этого культурного слоя как опорной точки отсчета и для хронологии греческого искусства, и для интерпретации и датирования приблизительно одновременных с ним слоев на других памятниках.

Будет, однако, честнее обратиться за примерами к раскопкам поселений, проведенным в не столь отдаленное от нас время. Прекрасные примеры можно привести из двух областей, лежащих на периферии собственно классической археологии; о них я уже довольно подробно говорил в другом месте⁴. Это, во-первых, раскопки военных сооружений, относящихся к Валу Антонина в Шотландии. Здесь, несмотря на то, что данный период освещен исторически и исследован археологически лучше, чем большинство периодов в истории Греции, не утихают жаркие споры вокруг вопросов о длительности (а в одном случае даже о самом факте) различных этапов пребывания римлян на этой пограничной укрепленной линии.

Во-вторых, это — археологические исследования разрушения в эпоху бронзы минойских и микенских дворцовых центров в Эгее. В обоих случаях вызывает беспокойство большой разброс в датировках основных археологических эпизодов: в датировках Вала Антонина — более чем на четыре десятилетия, в случае с эгейскими дворцами — более двухсот лет. Хотя первоначальные раскопки в обоих случаях проводились сто лет назад, столь заметные расхождения в интерпретации их результатов проявились в работах исследователей нашего поколения. И прежде чем мы обратимся непосредственно к классической Греции, следует постараться выделить те общие схемы построения рассуждений, которые неизменно присутствуют в этих трудных случаях.

В приведенной выше цитате из книги Дэвида Кларка, дающей общую характеристику результатов археологических исследований, содержится много справедливого. Неполнота, двусмысленность и неясность заложены в самой природе раскопочных открытий и находок. Эти их качества могут быть следствием как наших знаний, так и нашего незнания. По крайней мере в случае с Валом Антонина именно наше знание о том, что римская армия имела обыкновение уничтожать перед уходом свои укрепления, чтобы ими не воспользовался противник, создает известную двусмысленность при объяснении культурных слоев со следами разрушений. И наше же знание о некоторых исторически засвидетельствованных событиях, которые вполне могли послужить причиной отступления римлян от Вала, объясняет сравнительно широкое расхождение датировок, предлагаемых исследователями для конца пребывания римлян на этой оборонительной линии. Эгейские поселения с дворцами занимали куда большую площадь, и здесь исследователи неоднократно подчеркивали неполноту имевшихся у них данных. Вновь и вновь объяснение разрушений предлагалось на основании исследований только части крепости или какого-то комплекса, случалось — одного-единственного здания. В дальнейшем расширение площади раскопок обнаруживало, что картина, полученная на первоначальном участке, не характерна для поселения в целом. Углубление наших знаний в области типологии и датировок найденных при раскопках вещей приводило к пересмотру относительной хронологии. Однако двусмысленность и неясность сохраняются и сейчас. Это очень ярко показали недавние предположения о том, что последовательные разрушения в Микенах и Тиринфе, которые поколения исследователей принимали за результат военных действий, на самом деле были вызваны землетрясениями.

Ни с одним из только что обсуждавшихся случаев не было связано ничего такого,

³Vickers M. Persepolis, Athènes et Sybaris: questions de monnayage et de chronologie // *Revue des études grecques*. 1986. 99. P. 239—270 (at p. 253—266).

⁴Snodgrass A.M. *An archaeology of Greece*. Berkeley — Los Angeles, 1987. P. 43—51.

что можно было бы назвать подлинным историческим повествованием, в рамки которого нужно было бы втиснуть имеющиеся археологические данные. Римские исторические источники почти ничего прямо не говорят о Вале Антонина, кроме того, что он был сооружен. Историки, свидетельствующие о падении эгейских дворцов, говорят об этом в столь туманных выражениях и с такой временной дистанции, что их сочинения даже по самым либеральным меркам нельзя назвать «историческими источниками». С наступлением в Греции исторического периода картина резко меняется: как мы уже видели, существование исторических повествований определяло не только интерпретацию результатов раскопок поселений, но и сам выбор поселений для раскопок.

Так обстоит дело с Навкратисом в Египте: особый интерес к этому городу, одному из многих известных городов саисской эпохи в Египте, был в значительной мере вызван сведениями о нем, содержащимися во второй книге Геродота. Вкратце рассказ Геродота сводится к тому, что фараон Амасис, правивший с 569 по 525 г. до Р.Х., отвел грекам для жительства город Навкратис, а затем ограничил право эллинов торговать в Египте одним этим городом. Несколько ранее Геродот сообщает, что Амасис перевел какую-то часть греческих и карийских наемников из местности, называемой Стратопеды, в Мемфис. С 1884 г. предпринимались раскопки на городищах Навкратиса и Мемфиса (оба надежно отождествлены), а также в местах, которые можно было бы принять за Стратопеды. Результаты этих раскопок обескураживали, так как ни в одном случае не удавалось подтвердить сообщения Геродота. Предлагалось несколько выходов из создавшейся ситуации: пересмотреть наше понимание текста Геродота, пересмотреть принятую археологическую хронологию, обратиться к другим, еще не раскопанным участкам Навкратиса и поискать Стратопеды в других местах; чаще же всего Геродота обвиняли во лжи или по меньшей мере — в большой хронологической неточности. По моему мнению, имеют право на существование все эти пути решения проблемы и объяснения, за исключением последнего. Действительно, нужно серьезно подумать о характере исторических эпизодов, поведенных Геродотом, о том, как они могли отобразиться в материальных остатках, прежде чем отвергать их как вымысел.

Утверждение Геродота (II. 154) о том, что Амасис вывел греческих и карийских наемников из Стратопед и поселил их в Мемфисе, сделав собственными телохранителями, вовсе не противоречит археологическим свидетельствам в пользу существования поселений этих наемников в нескольких пограничных пунктах поблизости от Стратопед в течение всего царствования Амасиса и даже после него. Не опровергает это утверждение Геродота и тот факт, что надгробия таких воинов появились в Мемфисе задолго до вступления Амасиса на трон. Текст ведь не говорит, что были выведены в се пограничные отряды или что до этого в Мемфисе с о в с е м не было наемников. Ну а точное местонахождение Стратопед, возможно, еще будет установлено. В более серьезное противоречие вступают данные археологии с утверждением Геродота (II. 178—179) о том, что Навкратис «был подарен» грекам и что торговать им разрешили только в этом месте. Но и это противоречие не представляется мне неразрешимым. Ясно, по-видимому, что еще до Амасиса в Навкратисе обосновалось достаточное число греков, чтобы построить ионический храм и завозить разнообразный импорт, включая греческие надписи. Ясно и то, что вещи греческого происхождения продолжали поступать во многие города Египта во время правления Амасиса и после него. Противоречие здесь возникает лишь из-за убежденности исследователей в том, что (повторяя сказанное выше) археологические данные должны говорить на одном языке с историческим повествованием. «Дарение» города какому-то народу представляет собой законодательный акт благодеяния, отнюдь не исключая возможность того, что представители этого народа уже давно жили в этом городе. Ограничение греческой торговли разрешением торговать только в одном порту опять-таки всего лишь законодательный акт; он не должен был сколько-нибудь серьезно сказаться на последующем распространении греческих товаров в Египте путем заключения не прямых сделок, в которые, несомненно, вовле-

кались негреки. Вся проблема возникла из-за решимости традиционно настроенных археологов обязательно ввести свои открытия в рамки повествования, передаваемого теми древними источниками, которым было суждено сохраниться.

Особенно широко привлекаются данные археологии при изучении такой важной для ранней греческой истории темы, как колонизация. Основным нарративным источником, освещающим приход греков в Сицилию, служат краткие, но впечатляюще уверенные и точные свидетельства Фукидида (VI. 3.1—4.3). Источники позднейшего времени дают не столь обстоятельно выписанные даты основания колоний на Западе, Севере и Востоке, а также дополняют данные, которые Фукидид привел для Сицилии, и иногда противоречат им. Более 50 лет назад археологи, разрабатывая хронологическую шкалу для греческой керамики VIII—VII вв. до Р.Х., сочли верными приведенные Фукидидом даты основания ряда поселений в Сицилии от Наксоса (735 г. до Р.Х.) до Селинунта (628 г. до Р.Х.). Самая ранняя керамика, найденная на каждом из этих поселений, датировалась соответственно временем его основания или чуть позднее⁵. Здесь возникает одна важная логическая проблема: если керамические серии были сначала датированы в соответствии с рассказом Фукидида, то затем трудно использовать образцы керамики из этих серий для того, чтобы подтвердить или (что еще важнее) поставить под сомнение этот рассказ. Нужно вводить посторонние данные, чтобы проверить, согласуется основанная на Фукидиде хронологическая шкала с хронологической шкалой материалов с других памятников, датированных иным образом. То же требуется и в случае, если последующие находки керамики на тех же сицилийских памятниках совершенно не укладываются в первоначальную схему, и нужно решить, не отказаться ли от этой схемы вообще.

Большинство археологов не отваживаются действовать столь решительно и в результате занимают логически несостоятельную позицию. Возьмем для примера наиболее неясный случай — дату основания Селинунта. Особенно досадно, что эта дата, самая поздняя в основной цепочке дат Фукидида, породила столько проблем; ведь для конца VII в. до Р.Х. имеется много внешних данных из самых разных районов Средиземноморья, где основанная на Фукидиде схема применялась в основном с удовлетворительными результатами. Первоначальный ход рассуждений при датировке керамических серий по обнаружению их образцов в Селинунте может быть представлен в форме следующего силлогизма: *большая посылка*: Селинунт был основан в 629/628 г. до Р.Х., потому что это — та дата, которую мы высчитываем по Фукидиду, а он — наш лучший источник; *малая посылка*: самая ранняя коринфская керамика, найденная на Селинунте, относится к началу среднекоринфской фазы или к чуть более раннему этапу; *заключение*: среднекоринфская фаза началась около 625 г. до Р.Х.

В последующие десятилетия этот вывод выдержал ряд проверок, когда появлялся материал сходных или близких по времени стилей, происходящий из раскопок поселений примерно того же времени во Франции, Киренаике, Малой Азии и Палестине⁶. Но между тем неудобные новые факты преподнес сам Селинунт. В Палермском музее обнаружили некоторое количество нигде ранее не публикованной керамики, найденной, по-видимому, при раскопках селинунтских некрополей; отдельные образцы ее относились к протокоринфской фазе, т.е. к периоду явно более раннему, чем начало среднекоринфского стиля. Это противоречило малой посылке приведенного выше силлогизма. В устоявшуюся хронологическую шкалу требовалось внести поправку лет на двадцать. Логически рассуждая, следовало бы пересмотреть всю схему целиком. На деле же реакция археологов оказалась совсем иной: вывод силлогизма можно было удобно сохранить, отказавшись и от большой

⁵См. отчет: *Payne H.G.G. Necrocorinthia*. L., 1931, P. 21—27, который строится на более ранней работе K. Friis Johansen и др.

⁶См. последнюю работу об этом: *Cook R.M. The Francis-Vecckers chronology // JHS*. 1989. 109. P. 164—170 (at p. 165).

посылки вместе с отказом от малой. На счастье археологов, в позднейших источниках встречается и другая дата основания Селинунта — около 650 г. до Р.Х.⁷ Таким образом, они сочли возможным отказать в достоверности одному только свидетельству Фукидида ради того, чтобы сохранить в целостности остальную часть своей схемы, которая изначально полностью зависела от достоверности его свидетельств! Можно понять причины такой приверженности к первоначальному выводу, единственному сохраненному элементу силлогизма, но с точки зрения логики это выглядит очень слабо. Если сообщения Фукидида можно было отвергать, когда это удобно, то как же можно было полагаться на них, высчитывая более ранние даты? Разве не существовала вероятность того, что с течением времени и с ними произойдут подобные казусы? Разумеется, так и случилось. Такая же проблема возникла с более ранней датировкой основания Гелы (по Фукидиду — 689/688 г. до Р.Х.), а менее серьезные трудности проявились при относительных датировках основания Сиракуз и Мегары Гиблеи (734/733 и 729/728 гг. до Р.Х. по схеме Фукидида)⁸.

Центральным моментом, конечно, и здесь является вопрос не чистой хронологии, а самой природы археологических находок и открытий. Самая ранняя керамика из этих колоний происходила в ряде случаев из культурных отложений на поселении или в святилище: здесь мог играть роль фактор возможной неполноты получаемого материала. В первоначальной схеме было бы благоразумно предусмотреть некий «запас прочности» при датировке самого раннего известного материала на случай, если в дальнейшем на памятнике будет найден еще более ранний материал. Однако иногда самая ранняя керамика оказывалась в погребениях, как это случилось с нарушившими хронологическую схему находками в Селинунте. Здесь основания для выводов еще слабее: наличие греческой керамики в могилах вовсе не обязательно указывает на то, что это могилы греков. Но даже если это и так, то разве не могли какие-то греки в эпоху колонизации селиться в том или ином месте еще до того, как оно формально становилось колонией? Так, кажется, было в Навкратисе. Возвращаясь к характерному случаю с Селинунтом, заметим: недавно действительно было высказано мнение, что новые данные, полученные на поселении и в святилищах при последующем значительном расширении раскопочных работ, соответствуют первоначальной датировке, основанной на сообщениях Фукидида, и настолько перевешивают несоответствующие данные из раскопок некрополя, что можно поставить под сомнение происхождение последних — были ли они в самом деле найдены в селинунтском могильнике⁹. В общем в процессе выведения заключения (дедукцией это назвать нельзя), при котором археологические данные истолковывались таким образом, чтобы они укладывались в рамки исторического повествования, было столько сомнительных моментов и непоследовательностей, что было бы удивительно, если бы удалось сразу прийти к верным и точным выводам.

Использование данных археологии при исследовании процессов колонизации может создавать не только хронологические, но и более фундаментальные проблемы. Так, говоря о греческих колониях в Сицилии, Фукидид (VI, 2, 6) касается и вопроса о заселении Сицилии финикийцами. Стоит процитировать его дословно: «Финикийцы жили по всей Сицилии; они селились на мысах и прибрежных островках, чтобы удобнее торговать с сикулами. Но когда стали прибывать греки, они покинули большую часть этих мест и собрались в Мотие, Солоенте и Панорме, поблизости от элимов, как потому что надеялись на союз с элимами, так и потому, что там был самый короткий морской путь до Карфагена».

Такова была обстановка в период, непосредственно предшествовавший прибытию

⁷ См., например: *Vallet G., Villard F. La date de fondation de Sélinonte: les données archéologiques // BCH. 1958. 82. P. 16—26.*

⁸ См.: *Coldstream J.N. Greek Geometric pottery. L., 1968. P. 326—327; (о Геле); Vallet G., Villard F. Les dates de fondation de Megara Hyblaea et de Syracuse // BCH. 1952. 76. P. 318—321 (о двух других городах).*

⁹ *Martin R. Histoire de Sélinonte d'après les fouilles récentes // CRAI. 1977. P. 46—63 (at p. 50—51).*

первых греческих колонистов, которое Фукидид датирует примерно 735 г. до Р.Х. Очевидно, что за совершенно ясным утверждением о первоначальном присутствии финикийцев в Сицилии следует еще несколько прямо высказанных или подразумеваемых утверждений, ясность которых ненамного меньше: эти финикийцы торговали с сикулами; среди финикийских поселений были все три названных — Мотия, Солоент и Панорм или по крайней мере какое-то из них (так как они покинули «большую часть» своих селений); уже существовало финикийское поселение в Карфагене.

Археологические методы были в той или иной мере применены для проверки всех этих утверждений Фукидида. Что касается двух последних, то здесь ставились главным образом хронологические задачи, так как само существование финикийских поселений в Мотие, Панорме, Карфагене (и, с некоторыми оговорками, в Солоенте) и их отождествление серьезных сомнений не вызывали. Однако два первых утверждения породили вопросы принципиального порядка: были ли на самом деле финикийцы в Сицилии до греков? И действительно ли они торговали с сикулами? Все эти проблемы показались археологам интересными, и на соответствующих памятниках были предприняты раскопки.

Результаты этих раскопок, как и в других рассмотренных нами случаях, были восприняты как подрывающие доверие к данному историческому источнику. Самым серьезным показалось то, что раскопки многочисленных памятников на мысах и на островах у берегов Сицилии в большинстве случаев не дали свидетельств какого-либо присутствия финикийцев вообще, а засвидетельствованное присутствие финикийцев ни разу нельзя было отнести ко времени ранее 735 г. до Р.Х. Кроме того, были раскопаны многие сотни предположительно сикульских могил, но ранних финикийских вещей в них так и не нашли. Что касается поселений, то британская и итальянская экспедиции три четверти века (с некоторыми перерывами) работали в Мотие, открыли большие площади жилых кварталов и могильников, но не обнаружили материалов ранее 735 г. до Р.Х., а точнее — таких, которые были бы заметно старше 700 г. до Р.Х. Солоент и Панорм изучены далеко не столь основательно, и материал, происходящий оттуда, относится к еще более позднему времени. Наконец, в Карфагене раскопки велись даже дольше, чем в Мотие. Долгое время шли споры о датировке самых ранних находок. Если признать, что район «Храма Цинты» был местом, где обосновались первые финикийские поселенцы, то говорить о дате, предшествовавшей первым греческим колониям в Сицилии, очень трудно: культурный слой в этом месте содержал греческий материал, который можно датировать, сравнив с аналогичными вещами с сицилийских памятников, а ничего явно более раннего здесь найдено не было. Но был ли этим дискредитирован Фукидид?

Это ведь были проблемы, не столь уж тесно связанные с теми, что возникали вокруг греческих колоний в Сицилии: спор шел о вопросах относительной хронологии и не ставил под сомнение верность системы абсолютных дат, предложенных Фукидидом для Сицилии. Но в целом удар по престижу Фукидида как историка был бы очень серьезным, если бы эти обвинения против него были доказаны. Однако все общие соображения, изложенные в этой статье, подводят к мысли о том, что подобные обвинения следует отвергать с порога. Археологические данные просто недостаточны для таких обвинений. При раскопках этих поселений мы вновь столкнулись с вопросом о подноте получаемых данных. Ни один из памятников на Сицилии не был изучен настолько основательно, чтобы можно было исключить возможность того, что на нем все же была финикийская фактория; она ведь могла быть очень небольшой и трудно прослеживаемой археологическими методами. В более важном случае с Мотией даже теперь открытая раскопками площадь составляет лишь малую часть всей заселенной в древности территории. Что же касается сикульских могил, то нельзя быть уверенным в том, что погребальные обычаи сикулов были таковы, что финикийский импорт непременно должен был попасть в могилы. Я уж не говорю о том, что «сикулы» едва ли установленная археологическая категория. Карфаген после ста лет изучения преподнес полезный урок, прекрасно указывающий на неизбежную

неполноту данных, получаемых при раскопках поселений. За последние несколько лет Германская археологическая миссия открыла в нескольких местах, отстоящих более чем на километр к северу от «Храмика Цинты», стратиграфированные культурные слои поселения, которые явно древнее 735 г. до Р.Х. и материалов из «Храмика Цинты»¹⁰. Как бы мы ни интерпретировали эти ранние культурные слои, все основания для прежних споров и сомнений рухнули: какие-то финикийцы жили на территории Карфагена по меньшей мере во времена прихода греков в Сицилию.

Полагаю, я привел достаточно примеров, чтобы показать возможные опасности использования археологических свидетельств в соединении с типичными рассказами о событиях, которые дают древние источники. Одно дело — использовать их для того, чтобы подтвердить или подвергнуть сомнению общие положения представлений древних об истории, и совсем другое — привлекать их с целью доказать, пересмотреть или отвергнуть *частные утверждения* того или иного древнего авторитетного источника. Я старался доказать, что для этой цели археологические находки и открытия не подходят по самой своей природе.

Это, однако, не означает, что археология не может пролить свет на историю: существуют в конце концов и другая история, кроме повествований, основанных на древних авторах, и другая археология, кроме воссоздания сходных повествований на основе раскопок какого-либо памятника. Я ставил перед собой положительную задачу — навести на мысль о том, что плодотворное сотрудничество историка и археолога только выиграет, а не проиграет, если удастся отказаться от недостижимых целей. Точно так же, как многие историки сегодня отходят от военно-политических повествований и занятий древними авторами вообще, многие археологи отказываются от повествовательного истолкования памятников (иногда — единичного памятника) в пользу изучения долговременных процессов, воздействия окружающей среды и рассмотрения более широких регионов. Принимая эти новые подходы, обе стороны открывают, что они могут дать друг другу больше, а не меньше, чем при традиционных методах работы.

GREEK HISTORY IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGY

A.M. Snodgrass

The author gives a lot of examples to show the dangers of using archaeological evidence in association with the typical narratives of events given by the ancient sources. To use it to support or discredit the general outlines of ancient historical beliefs is one thing; to apply it to the vindication, revision or discrediting in detail of an individual ancient authority is quite another. The author argues that archaeological findings are, in their nature, unsuited to such a purpose and suggests that the prospects of fruitful collaboration between historian and archaeologist are improved, not damaged, by the discarding of unattainable aims.

¹⁰ Предварительный отчет см.: *Rakob F.* Topographie de la ville punique // CEDAC Carthage Bulletin. 1987. 8. P. 9—10.

Перевод И.С. Клочкова.